

ЛИПА — ВОЛОДЕ

Это личное письмо женщины из Новозыбкова должно было быть передано ее мужу, находящемуся в заключении, но почему-то так и осталось в архиве Московского Политического Красного Креста. Возможно, что к тому времени, когда письмо попало в руки сотрудников МПКК, муж уже был освобожден (либо его не было в живых). Фамилии женщины и ее мужа не установлены, остались их имена и само письмо.

<2 октября 1920>

«Новозыбков. 2/X 1920 г<ода>.

Володенька, родной мой!

Простишь ли ты мне мое, столь долгое молчание. Что-то внутренне подсказывает мне, что да, простишь. Тебе не трудно будет понять причину его... Мне очень трудно сознаться, что вот уже две недели я никак не могла взять себя в руки, сесть и спокойно писать. Тяжело, что не я первая сообщила тебе о появлении столь долгожданного нашего мальчика.

Я не ошиблась, 17 в пятницу в 3 часа утра он появился на свет и громким криком заявил о своем праве на существование.

Дорогой мой, ты горишь желанием знать о нем много, много... Да, многое бы можно рассказать, а напишешь ли все? Прежде всего, позволь поздравить тебя с сыном, который, кажется, будет твоим портретом. Уже теперь, когда ему только две недели, сходство довольно большое; подрастет, и оно выявится еще резче.

Мальчуган прелестен тем, что очень крепкий, доношенный и здоровенький. Орет прекрасно, можно предполагать, что в этом пойдет в маму — будет с голосом. Ну, что еще рассказать тебе о нем?

Родился он около 3 ф<унтов> весом, с длинными беленькими волосиками и большими синими глазками, с пушком на щечках — смешной такой. Много в нем еще стариковского, но последнее с каждым днем исчезает, уступая место специфически детскому.

Пока что мальчик растет спокойный — сам спит, спит — ест. Правда, вчера и сегодня он кричит больше обыкновенного, но в этом виновата уже я сама. Нервы немного пошаливают, сдержаться не всегда удается, а у него отражается на желудке. Надеюсь, что все же я окажусь госпожой положения, а не мои нервы, и все наладится. Теперь остановка только за папой, был бы он с нами, и все чудесно было бы. Хочу верить, что ждать осталось уже недолго.

Несколько слов о себе; я уже совсем здорова и физически чувствую себя прекрасно, не могу этого сказать о нравственном состоянии, оно, кажется, похуже.

Роды и послеродовой период протекал очень хорошо, не только никаких осложнений, но не понадобилось никаких лекарственных снадобий, хотя в них недостатка не было. Уход и все остальное было чудесно, не хватало одного, только тебя, родной мой.

Мне кажется, что я не заслуживаю того отношения, какое было проявлено со стороны друзей, так что обо мне ты не беспокойся — все самое страшное осталось позади. Теперь нужны силы, чтобы растить нашу малышку.

Ты уже выказываешь нетерпение, читая о нем и не зная его имени. Трудно мне было одной решить этот вопрос, тысячу раз колебалась, останавливаясь то на одном, то на другом имени, вспомнила наш разговор за обедом о том, что красивых имен два — твое и Карпекина¹, решила

¹ Карпекин (Карпейкин) Александр Алексеевич, член партии эсеров. В январе 1923 —

назвать его Александром, зову же его Алеком и Леликом. Ты приедешь, и, может быть, мы его снова перекрестим, хотя его уже зарегистрировали Александром.

Родной мой, не сердись, если я не так часто буду писать. Возможно, что мое настроение скоро урегулируется, но теперь еще мне стоит огромных усилий писать, зная, наверное, что письмо, прежде чем попадет тебе (да и попадет ли вообще), пройдет десятки рук и вызовет десятки иронических улыбок и замечаний. Знаю, что с этим не стоило бы считаться, а все же пока иначе не могу.

Хотя бы в этом отношении была бы хоть маленькая справедливость, если бы я могла быть уверена, что это письмо, пройдя десятки инстанций, все же попадет к тебе, я бы превозмогла все и писала бы. А как много, много есть о чем писать, а еще больше говорить.

Верю, родной, что наше солнце снова согреет наши сердца и души, верю, что правда восторжествует, и ты снова будешь на свободе, мы вместе будем растить нашего крошку, для иной только жизни, здоровой, прекрасной и правдивой.

О нас, дорогой, не беспокойся, береги только свое здоровье, береги силы, ты нужен и мне, и нашему мальчику, он потребует от нас много, много...

С Броничкой посылаю тебе теплые вещи, будет случай, передам еще кое-что.

Хочу верить, что до наступления холодов ты будешь уже с нами. Надо сильно хотеть и верить, и по вере моей воздастся мне. О, если бы это было так.

Кончаю писать, хотя могла бы исписать целую тетрадь. Пусть хоть это короткое письмо попадет к тебе. Подробно буду писать в дневнике Алека.

Будь здоров, родной, любимый мой, здоровье — вот тот фундамент, на котором мы построим крепкое и здоровое здание нашей будущей жизни.

Целую крепко и много, я и Лелик.

Твоя, всегда твоя. Липа»².

находился в Таганской тюрьме, в феврале выслан в Ташкент.

² ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 4. С. 15-18. Автограф.